

ГРАФЪ Л. Н. ТОЛСТОЙ

ВЪ

«народномъ сказаніи о трехъ старцахъ».

Каждый народъ богатъ разнаго рода предрасудками, суевѣрїями, небылицами, выдаваемыми имъ за дѣйствительныя были. Онъ не растаетъ съ ними, даже ставши на высшую степень образованія или вышедши изъ мрака язычества въ свѣтъ Евангелїя. Скажемъ болѣе: не мало людей высоко и многосторонне образованныхъ, которые не могутъ избавиться отъ того или другаго суевѣрїя или предрасудка. Такова сила исторической наслѣдственности или того умственного склада, который имѣетъ за собою вѣка прожитой жизни.

И исторїя записываетъ на свои страницы даже самыя грубыя, самыя нелѣпыя вѣрованїя человѣчества, такъ какъ эти вѣрованїя указываютъ на степень его умственного развитїя въ данную эпоху; а знать это постепенно развивающемуся человечеству не бесполезно, даже, въ извѣстномъ отношенїи, нужно. Поэтому нельзя не сочувствовать тѣмъ, которые собираютъ народныя повѣрья, былииы и т. п., и передаютъ ихъ печати. И конечно, мы съ сочувствїемъ приняли бы записанное графомъ Л. Н. Толстымъ народное сказанїе: „Три старца“, если бы это сказанїе не послужило для извѣстнаго круга русскихъ людей явнымъ и притомъ самымъ вреднымъ соблазномъ, особливо въ настоящее время Пашковщины, Толстовщины, штунды, духоборства и т. д., и если бы почтенный графъ не желалъ видѣть въ этомъ сказанїи подкрѣпленїе новой своей

вѣры, новаго своего взгляда на церковь и государство, которые, т. е. вѣру и свой взглядъ на церковь и государство, онъ такъ усердно старается распространить не только среди роднаго ему народа, но и въ западномъ христіанствующемъ мірѣ, — а съ какою цѣлію — про то знаетъ его душа, видимо находящаяся подъ давленіемъ какого то мрака „мудрованій“ ¹⁾).

Сказаніе, передаваемое графомъ, должно быть отнесено къ разряду самыхъ нелѣпыхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ — и самыхъ опасныхъ для слабыхъ въ истинной вѣрѣ во Христа Спасителя или въ ученіи не только православной, но и всякой другой христіанствующей церкви ²⁾. И не смотря на это, графъ подъ вліяніемъ своей новой вѣры, осмѣлился предпослать этому сказанію (въ видѣ эпиграфа) божественныя слова Спасителя: „А молясь, не говорите лишняго, какъ язычники; ибо они думаютъ, что въ многословіи своемъ будутъ услышаны. Не уподобляйтесь имъ; ибо знаетъ Отецъ вашъ, въ чемъ вы имѣте нужду, прежде вашего прошенія у Него“ (Матѣ. VI, ч. 8). Этими божественными словами, какъ ниже будетъ объяснено, графъ, онъ же и изобрѣтатель новой вѣры и новаго евангелія, хочетъ подкрѣпить ту нелѣпую мысль, которая и проводится въ „сказаніи“. Трудно пріискать слово, которымъ можно бы назвать этотъ поступокъ графа, т. е. подкрѣпленіе нелѣпаго сказанія словами небесной правды. Это самая грубая дерзость, до которой можетъ дойти только тотъ, для котораго ложь и истина безразличны! Это есть то, что мы называемъ кощунствомъ и своего рода святотатствомъ! Невольно припоминаются слова Небеснаго Учителя: „Не давайте святыни псамъ и не бросайте жемчуга вашего предъ свиньями, чтобы онѣ не попрали его ногами своими“ (Матѣ. VII, 6). Воистину, подкрѣплять злой умыселъ или намѣреніе ввести въ заблужденіе ближняго въ высшей святыхъ его души, въ высшихъ по-

¹⁾ Это слово, не разъ нами повторяемое, взято изъ известной молитвы къ Господу нашему Іисусу Христу Антіоха монаха пандекта, гдѣ сказано: «и всякое земное и вещественное наше мудрованіе успи». *Авт.*

²⁾ Наши раскольники, — безпоповцы, федосѣевцы, хлысты и т. д., думаемъ не прочь бы были разцѣловать руки и ноги графа за это сказаніе. Такъ оно имъ цѣлесобразно; но желательна ли для родной земли, если ее будутъ раздирать на части въ вѣрованіяхъ ея? *Авт.*

требностяхъ или стремленіяхъ его сердца, — подкрѣплять словами святѣйшей правды — то же, что святыню, жемчугъ святаго Евангелія попирать ногами.

Хотя „Нива“, въ которой помѣщенъ разсказъ графа (№ 13 текущ. года), одно изъ распространенныхъ повременныхъ изданій; но мы считаемъ нужнымъ сдѣлать извлеченіе изъ этого „народнаго сказанія“.

„Плыль на кораблѣ архіерей изъ Архангельска города въ Соловки. На этомъ же кораблѣплыли богомольцы къ угодникамъ. Вѣтеръ былъ попутный, погода ясная, не качало. Богомольцы — которые лежали, которые закусывали, которые сидѣли кучками, бесѣдовали другъ съ дружкой. Вышелъ и архіерей на палубу, сталъ ходить взадъ и впередъ по мосту. Подошелъ архіерей къ носу, видитъ, собралась кучка народа. Мужичекъ показываетъ что то рукой въ море и говоритъ, а народъ слушаетъ. Остановился архіерей, посмотрѣлъ куда показывалъ мужичекъ: ничего не видно, только море на солнцѣ блестить. Подошелъ поближе архіерей, сталъ прислушиваться. Увидалъ архіерея мужичекъ, снялъ шапку и замолчалъ. Увидалъ и народъ архіерея, тоже сняли шапки, почтеніе сдѣлали“. (Удивительно, — отъ себя скажемъ — даже ни одинъ не подошелъ подь благословеніе! Что же, — тамъ всѣ были раскольники? Но нашему художнику нужно показать, что даже и православный народъ не нуждается въ архіерейскомъ благословеніи; а насколько это близко къ правдѣ — про то знаетъ на святой Руси не только весь крещеный міръ, но и не крещеный).

— „Не стѣсняйтесь, братцы, сказалъ архіерей. Я тоже послушать подошелъ, что ты, добрый человекъ, рассказываешь.

— Да вотъ про старцевъ намъ рыбачекъ рассказывалъ, сказалъ одинъ купецъ посмѣляе.

— Что про старцевъ? спросилъ архіерей, подошелъ къ борту и присѣлъ на ящикъ. Расскажи и мнѣ, я послушаю. Что ты показывалъ?

— Да вотъ островокъ маячить, сказалъ мужичекъ и показалъ впередъ въ правую сторону. На этомъ самомъ островкѣ и старцы живутъ — спасаются.

— Какіе же это старцы? спрашиваетъ архіерей.

— Божьи люди, отвѣтили крестьянинъ. Давно ужъ я слышалъ про нихъ, да не довелось видѣть; а вотъ запрошлымъ лѣтомъ самъ видѣлъ.

— Какіе же они изъ себя? спросилъ архіерей.

— Одинъ маленькій, сгорбленный, совсѣмъ древній, въ ряскѣ старенькой, должно, годовъ болѣе ста, сѣдина въ бородѣ ужъ зеленѣть стала, а самъ все улыбается и свѣтлый, какъ ангель небесный, а другой ростомъ повыше, тоже сѣдой, въ кафтанѣ рваномъ, борода широкая, человекъ сильный: лодку мою перевернулъ какъ ушатъ, не успѣлъ я и подсобить ему— тоже радостный. А третій высокій, борода длинная до колѣнъ и бѣлая какъ лунь, а самъ сумрачный, брови на глаза висятъ, и нагойъ весь, только рогожей опоясанъ.

Епископъ желаетъ видѣть этихъ старцевъ и просить корабельщика пристать къ „безыменному островку“. Просьба владыки удовлетворяется. „Причалили гребцы къ берегу, зацѣпились багромъ. Вышелъ архіерей“, и увидѣлъ старцевъ.

„Поклонились ему старцы, благословилъ онъ ихъ, поклонились они ему еще ниже. И началъ имъ говорить архіерей“:

— Слышалъ я, говорить, что вы здѣсь, старцы Божіи, спасаетесь, за людей Христу— Богу молитесь, а я здѣсь, по милости Божіей, недостойный рабъ Христовъ, его паству пасти призванъ, такъ хотѣлъ бы и васъ, рабовъ Божіихъ, повидать и вамъ, если могу, поученіе дать.

— Молчатъ старцы, улыбаются (и, конечно, графъ знаетъ чему), „другъ на дружку поглядываютъ.

— Скажите мнѣ, какъ вы спасаетесь и какъ Богу служите? сказалъ архіерей.

„Вздохнулъ средній старецъ и посмотрѣлъ на старшаго, на древняго; нахмурился высокій старецъ, и посмотрѣлъ на старшаго, на древняго. И улыбнулся старшій древній старецъ и сказалъ:“ Не умѣемъ мы, рабъ Божій, служить Богу, только себѣ служимъ, себя кормимъ.

— Какъ же вы Богу молитесь? спросилъ архіерей.

„И древній старецъ сказалъ: — молимся мы такъ:“ Трое васъ, трое насъ, помилуй насъ“.

И какъ только сказалъ это древній старецъ, подняли всѣ

три старца глаза къ небу и всѣ трое сказали: „трое васъ, трое насъ, помилуй насъ“.

„Усмѣхнулся архіерей и сказалъ:“ Это вы про Святую Троицу слышали, да не такъ вы молитесь. Полюбилъ я васъ, старцы Божіи, вижу, что хотите вы угодить Богу, да не знаете, какъ служить Ему. Не такъ надо молиться, а слушайте меня, я научу. Не отъ себя буду учить васъ, а изъ Божьяго писанья, научу тому, какъ Богъ повелѣлъ всѣмъ людямъ молиться Ему“.

И началъ архіерей толковать старцамъ, какъ Богъ открылъ себя людямъ: растолковалъ имъ про Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святаго и сказалъ:

— Богъ самъ сошелъ на землю людей спасти и научилъ всѣхъ Богу молиться. Слушайте и повторяйте за мной.

„И архіерей говоритъ: Отче нашъ...“

„И весь день до вечера потрудился съ ними архіерей: и десять, и двадцать, и сто разъ повторялъ одно слово, и старцы твердили за нимъ. И путались они, и поправлялъ онъ ихъ, и заставлялъ повторять сначала“.

„И не оставилъ архіерей старцевъ, пока не научилъ ихъ. Прочли они ее (т. е. молитву Господню) за нимъ и прочли сами.“

„Простился архіерей со старцами, поклонились они ему всѣ въ ноги“, — (и все же, замѣтимъ, не пожелали принять отъ него благословеніе, что и нужно нашему разскащику — графу, который, какъ ниже увидимъ, имѣетъ свой собственный взглядъ на духовную іерархію). Поднялъ онъ ихъ и облобызалъ каждого, велѣлъ имъ молиться, какъ онъ научилъ ихъ, и сѣлъ въ лодку и поплылъ къ кораблю. Взшелъ на палубу, подняли якорь, поставили паруса, надуло ихъ вѣтромъ, сдвинуло корабль и поплыли дальше. Улеглись богомольцы спать и затихло все на палубѣ. Но не хотѣлось спать архіерею, сидѣлъ онъ на кормѣ, глядѣлъ на море туда, гдѣ скрылся островокъ, и думалъ о добрыхъ старцахъ. Думалъ о томъ, какъ радовались они тому, что научилъ молитвѣ, и благодарилъ Бога за то, что привелъ Онъ его помочь Божьимъ старцамъ — научить ихъ слову Божію“.

Но вотъ онъ видитъ, что что-то свѣтлое несется по морю,

направляясь къ кораблю. „Поднялся архіерей, подошелъ къ кормчему: погляди, говоритъ:“

— Что это, братецъ? что это? а ужь самъ видить — несутся по морю старцы, бѣлѣютъ и блестятъ ихъ сѣдыя бороды и, какъ къ стоячему, къ кораблю приближаются.

„Оглянулся кормчій, ужаснулся, бросилъ руль и закричалъ громкимъ голосомъ:

— Господи! Старцы за нами по морю, какъ по суху, бѣгутъ. Услышалъ народъ, поднялся. Бросились всѣ къ кормѣ.

Всѣ видятъ: бѣгутъ старцы, рука съ рукой держатся, — крайніе руками машутъ, остановиться велятъ. Всѣ три по водѣ, какъ по суху бѣгутъ, и ногъ не передвигаютъ... Подошли подъ самый бортъ, подняли головы и заговорили въ одинъ голосъ:

— Забыли, рабъ Божій, забыли твое ученье. Пока твердили, помнили, перестали на часъ твердить, одно слово выскочило, забыли, все рассыпалось. Ничего не помнимъ, научи опять.

„Перекрестился архіерей, перегнулся къ старцамъ и сказалъ: Доходна до Бога ваша молитва, старцы Божіи. Не мнѣ васъ учить. Молитесь за насъ, грѣшныхъ.

„И поклонился архіерей въ ноги старцамъ. И остановились старцы, повернулись и пошли назадъ по морю. И до утра видно было сіянье съ той стороны, куда ушли старцы“.

Сколько нибудь понимая позднѣйшія мудрованія графа Л. Н. Толстаго относительно церкви и вообще вѣры во Христа, едвали мы погрѣшимъ, если скажемъ, что чуть ли не единственная цѣль придать этому сказанію возможно-широкую гласность (чрезъ журналъ съ 60 т. подписчиковъ) та, чтобы показать, что можно достигнуть самой высокой степени святости, молясь такъ, какъ молились старцы на безъимянномъ, пустынномъ островѣ: „трое васъ, трое насъ, помилуй насъ“, — что графъ, позволимъ себѣ прибавить, и желалъ подкрѣпить вышеприведенными словами св. Евангелія, умолчавши, конечно умышленно, что непосредственно за этими словами слѣдуетъ молитва, переданная самимъ Спасителемъ—Христомъ и обнимающая, при всей своей сжатости, всѣ нужды человѣка, удовлетвореніе которыхъ всецѣло зависитъ отъ Подателя всѣхъ благъ—Отца небеснаго. Порицая многоглаголаніе, не впадалъ

ли бы Небесный Учитель въ противорѣчіе самому себѣ, научая:— „сиде убо молитесь вы: Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ?...”

Но это ли только имѣлъ въ виду графъ, составитель новой вѣры и Евангелія? Далекое нѣтъ,—о чемъ и скажется ниже,— а въ настоящую минуту поставимъ такой вопросъ: достигаетъ ли графъ намѣченной имъ цѣли, т. е. дѣйствительно ли доказываетъ, что достаточно произносить: „трое насъ, трое васъ, помилуй насъ“,—чтобы стать на высшую степень святости? Не обличаетъ ли само сказаніе, что признавать за старцами высшую святость никакъ не приходится, и что это сказаніе должно быть отнесено къ разряду самыхъ нелѣпыхъ, на которыхъ и не слѣдовало бы останавливаться, если бы не богословскія мудрованія графа, такого обаятельнаго писателя?

Что многіе, „скрываясь въ горахъ, вертепахъ и пропастяхъ земныхъ“, достигали высшаго духовнаго совершенства, святости,— „ихъ же, по апостолу, не бѣ достоинъ весь міръ“,— на это мы имѣемъ множество примѣровъ не только во всемъ христіанствующемъ мірѣ, но и въ нашей православной Руси; но мы также хорошо знаемъ, что эти отшельники не прерывали связи съ церковію, признавали духовную іерархію и не лишали себя благодатныхъ даровъ св. Таинствъ. Изъ сказанія о трехъ старцахъ мы этого не видимъ. Но если съ одной стороны нельзя утверждать, что они были внѣ общенія съ церковію, съ таинствами; то съ другой не обвиняя можно сказать, что они и не достигали святости. Старцы „бѣгали“ по морю какъ по суху, даже въ сіяніи, что служить выраженіемъ высшей ихъ святости. Но какъ помирить съ этою святостію обнаруженное ими тупоуміе? Епископъ цѣлый день учить ихъ молитвѣ Господней, заставляя ихъ „и десять, и двадцать, и сто разъ повторять одно слово“; съ великимъ трудомъ они, за цѣлый день, заучиваютъ ее, но чрезъ нѣсколько часовъ забываютъ. Какъ, повторяемъ, согласить съ этимъ тупоуміемъ, даже съ отсутствіемъ низшей способности души—памяти,—хождение по морю какъ по суху и притомъ въ благодатномъ сіяніи? Только при вседѣйствующей благодати Божіей, при самой твердой, несокрушимой вѣрѣ во Христа (какъ тому учить св. Евангеліе) можно ходить по водѣ, переставлять го-

ры и т. п. (Марк. XVI, 16, 17, 18). Если такая благодатная сила была присуща старцамъ, то какъ же вседѣйствующая благодать оставила ихъ при изученіи и памятованіи молитвы, обращенной непосредственно къ Отцу Небесному и преподанной Тѣмъ, чрезъ Котораго и получается благодать? Отъ полноты Его, говоритъ Іоаннъ Богословъ, все мы приняли и благодать на благодать; ибо благодать и истина произошли чрезъ Иисуса Христа (Еванг. Іоанна I, 16, 17). Пожалуй, графъ Л. Н. Толстой, изучившій, какъ онъ говоритъ, святое Писаніе, можетъ указать намъ на слова апостола Павла о дарахъ Духа святаго: „Одному дается Духомъ слово мудрости, другому слово знанія, тѣмъ же Духомъ; иному вѣра, тѣмъ же Духомъ; иному дары исцѣленій, тѣмъ же Духомъ; иному чудотворенія, иному пророчество, иному различеніе духовъ, иному разные языки, иному истолкованіе языковъ. Все же сіе производитъ одинъ и тотъ же Духъ, раздѣляя каждому особю, какъ ему угодно (I п. къ Корин. XIII. 8, 9, 10, 11). Указавши на эти слова Учителя языковъ, новоявленный толкователь Божественныхъ Писаній можетъ сказать, что старцы могли ходить по родѣ яко по суху и даже въ сіяніи по данной имъ Духомъ вѣрѣ, имѣя которую, какъ сказалъ Спаситель, только съ зерно горушное, вѣрующіе могутъ переставлять горы. Но мы напомнимъ графу и другое изреченіе апостола Павла: Духъ все проникаетъ (I Кор. II, 10). Если старцамъ дана была благодатная сила хожденія по водамъ въ сіяніи святости, то мыслимо ли, чтобы Духъ Святой „все проникающій“ оставилъ на степени какого то идиотизма мыслительныя силы этихъ подвижниковъ, то е. чтобы Духъ, посланный отъ Отца чрезъ Сына, не помогъ имъ запомнить молитву молитвъ, заповѣданную Сыномъ? Вотъ какая непримиримая несообразность выходитъ изъ сопоставленія хожденія старцевъ по водамъ ради вѣры, данной Духомъ, и ихъ тупоумія, котораго не коснулась благодатная сила Духа, чтобы научить ихъ, какъ и о чемъ просить Отца небеснаго. Въ житіяхъ святыхъ, которыми и пользуется графъ для своихъ произведеній, назначасмыхъ для простаго народа, находится не мало сказаній о безграмотныхъ пустычникахъ, о Христа-ради юродивыхъ; но все они отличались высшимъ развитіемъ духовныхъ силъ, доходившимъ до прозор-

ливости. И русская земля видѣла у себя такихъ духовно-просвѣтившихся простаковъ. Но лучшій для насъ примѣръ св. апостолы. И стоитъ ли разбирать одно изъ нелѣпыхъ сказаній, сложившееся въ нашемъ темномъ народѣ, сказаніе, быть можетъ, и взятое съ правды, но искаженное? Мы поставимъ другіе вопросы: вѣрить ли въ это сказаніе самъ графъ Л. Н. и желаетъ ли онъ чрезъ это сказаніе распространить свои вѣрованія въ средѣ грамотнаго русскаго народа, куда уже не мало проникло изъ его мудрованій, противныхъ Евангелію и нашей православной церкви? Что графъ вѣрить въ то, что можно достигнуть высшей святости чрезъ молитву, которою молился старцы, не называя даже именемъ Подателя всѣхъ благъ—Отца небеснаго,—въ этомъ отчасти обличаютъ его и приведенныя имъ слова Спасителя: „Знаетъ Отецъ вашъ, въ чемъ вы имѣете нужду, прежде вашего прошенія“. Но изобрѣтатель новой вѣры и евангелія на этотъ разъ со всею ясностію обличаетъ себя послѣдними своими произведеніями, касающимися богословія, церкви и христіанской нравственности, и нѣтъ сомнѣнія, что переданнымъ во всеобщую извѣстность народнымъ сказаніемъ о трехъ старцахъ онъ хотѣлъ подтвердить свое лжеученіе. Не вѣрится, чтобы образованный чело-вѣкъ, каковымъ мы не можемъ не признать нашего именитаго писателя Л. Н. Т., могъ придти къ такимъ мудрованіямъ (не можемъ сказать—умозаключеніямъ, цѣня высокія дарованія графа), къ какимъ онъ пришелъ въ новомъ своемъ произведеніи: „Церковь и государство“¹⁾. Вотъ нѣсколько строкъ изъ этого произведенія, воистину разрушительнаго, ибо графъ замышляетъ отнять „душу живу и у церкви, и у государства“. Посмотришь, говоритъ графъ, на исторію христіанства съ этой стороны (со стороны исповѣдуемыхъ имъ догматовъ) и ужасъ нападаетъ на тебя. Безъ исключенія съ самаго начала и до насъ, куда ни посмотришь, на какой ни взглянешь догматъ, хоть съ самаго начала—догматъ божественности Іисуса

¹⁾ Намъ не привелось читать этого произведенія, и мы заимствуемъ—что намъ нужно—изъ разбора его почтеннымъ А. Θ. Гусевымъ, въ апрѣльской книжкѣ «Правосл. Обзоръ» текущаго года. *Авт.*

Христа и до сложенія перстовъ ¹⁾), до причастія съ виномъ или безъ вина—плоды всѣхъ этихъ умственныхъ трудовъ на разъясненіе догматовъ: злоба, ненависть, казни, изгнанія, побойща женъ и дѣтей, костры, пытки“... „Можно заблуждаться тѣмъ, которые искренно вовлечены были въ эти споры о догматахъ, не замѣтивъ того, что они служатъ этими догматами діаволу, а не Богу, не замѣтивъ, что Иисусъ Христосъ прямо говорилъ (этакая непроходимая ложь!), что онъ пришелъ разрушить всѣ догматы“... „Можно заблуждаться и тѣмъ темнымъ людямъ, для которыхъ догматы эти не представляютъ *ничего*, кромѣ словъ или фантастическихъ представленій. Намъ же, для которыхъ открыть первый смыслъ Евангелія, отрицающаго всякіе догматы, намъ, имѣющимъ предъ глазами плоды этихъ догматовъ въ исторіи ²⁾), намъ нельзя уже ошибаться“.

Не будемъ болѣе дѣлать выписокъ изъ лжемудрованій графа относительно догматовъ христіанскаго вѣроученія, и прибавимъ одно, что, по мнѣнію изобрѣтателя новой вѣры, всѣ догматы ничто иное, какъ созданіе духовной іерархіи и притомъ съ корыстными видами. Стоитъ ли на этотъ разъ входить въ какія бы то ни было объясненія съ графомъ Л. Н. Т.! Одно неопровержимое заключеніе мы можемъ вывести изъ его мудрованій о догматахъ Христовой вѣры: или графъ не читалъ св. Евангелія, которое признается всѣмъ христіанствующимъ міромъ, и стало быть, говорить о томъ, чего не знаетъ, что по меньшей мѣрѣ, т. е. по крайней снисходительности, должно быть названо дѣтскимъ легкомысліемъ; или читалъ, но намѣренно извращаетъ ученіе Христа Спасителя, что мы, не обинуясь, позволимъ себѣ назвать дѣломъ безчестнымъ. Но можно ли допустить первое, т. е. чтобы нашъ прославленный писатель уподобился тѣмъ глухимъ дѣтямъ, которыя часто болтаютъ о томъ, чего не понимаютъ или чего не знаютъ? Можно ли также

¹⁾ Сложеніе перстовъ—догматъ!.. Изъ сего одного благосклонный читатель можетъ видѣть, что... «пирогъ печеть саложникъ»; а о томъ уже и говорить нечего, что этому саложнику исторія христіанской церкви — terra incognita. Но это въ обычаѣ нашего свѣтскаго міра. Авт.

²⁾ Графъ дѣлаетъ большой поклѣвъ на свою почтенную особу, какъ видно, совершенно несвѣдущаго въ исторіи христіанской церкви. Авт.

допустить, чтобы изобрѣтатель новаго евангелія не прочелъ даже первой главы Евангелія Іоанна Богослова, гдѣ между прочимъ сказано: „Бога никто же видѣ нигдѣ же: Единородный Сынъ, сый въ лонѣ Отчи, той исповѣда“ (Іоанн. I. 18)? Не думаемъ также, чтобы графъ, хотя бы ради высокаго художества, не прочелъ послѣдней бесѣды Христа Спасителя съ учениками, бесѣды, которой не можетъ не увлечься даже язычникъ съ болѣе или менѣе развитымъ сердцемъ; а въ этой бесѣдѣ, полной христіанскаго догматизма, есть одно мѣсто, отъ котораго могли бы прозрѣть очи графа: „се же есть животь вѣчный, да знаютъ Тебе единого истиннаго Бога, и его же послалъ еси Іисусъ Христа (Іоан. XVII. 3). Да благоволитъ графъ припомнить первый догматъ христіанской вѣры, которымъ начинается извѣстный грамотнымъ, даже инымъ и неграмотнымъ людямъ, Символь вѣры: „Вѣрую во единого Бога Отца“. Трудно также представить, чтобы при измышленіи графомъ новаго евангелія, у него, у графа, не достало терпѣнія прочитатъ старѣйшее Евангеліе апостола и евангелиста Матѳея, который оканчиваетъ свое благовѣствованіе слѣдующими словами Спасителя— „Свѣта міру“: „дадеся ми всяка власть на небеси и на земли. Шедше убо научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ: и се азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка. Аминь. (Матѳ. XVIII. 18, 19, 20)“. Не найдетъ ли почтенный графъ что нибудь похожее на эти слова Основателя нашей вѣры Христа Спасителя въ томъ же Символѣ вѣры, который знаютъ теперь и многіе крестьянскіе ребята и который, по мнѣнію родовитаго боярина русской земли, есть измышленіе съ корыстною цѣлію духовной іерархіи, измышленіе, якобы „отрицаемое Евангеліемъ“ и „разрушаемое самимъ Іисусомъ Христомъ“?

Извѣстно, что по бѣлу-свѣту ходитъ пресловутая „Исповѣдь“ графа Л. Н. Т., та исповѣдь, которою зачитывается наша молодежь, а частію и вѣтренная старость, и которая гласитъ (чему, впрочемъ, мы не вѣримъ), что именитый нашъ писатель по части злодѣяній едва ли не превосходилъ вкупѣ обоихъ злодѣевъ, обѣщенныхъ одесную и ошуюю Христа Спасителя. Изъ этой исповѣди, между прочимъ, видно, что во время

оно графъ былъ одержимъ какъ бы нѣкимъ злымъ духомъ— безотвязчивою думою наложить на себя руки, и тѣмъ охотнѣе желалъ это учинить съ своею особою, что не видѣлъ цѣли жизни, что за этою-де жизнью нѣчто въ родѣ Торичеллиевой пустоты. А вѣдь легко бы было и тогда графу прочесть конецъ того же Символа вѣры: „чаю воскресенія мертвыхъ, и жизни будущаго вѣка“? Но дѣло останавливалось за тѣмъ, что по мнѣнiю графа: „чаю воскресенія мертвыхъ, и жизни будущаго вѣка“ — измышлено духовною iерархiею и притомъ съ корыстною цѣлюю, а заглянуть въ Евангелiе ему не было благоугодно. Тамъ же, въ Евангелiи, онъ нашель бы и слѣдующiя слова Спасителя во отогнанiе мучившаго его злаго духа: „Се же есть воля пославшаго мя, да всякъ видяй Сына и вѣруяй въ него имать животъ вѣчный и воскрешу его азъ въ послѣднiй день“ (Иоан. VI. 40). Мѣстъ во св. Евангелiи, подтверждающихъ догматъ о воскресенiи и будущей жизни, не мало; но для вѣщаго памятованiя графомъ о загробной жизни можно бы прочесть ему и оныя внушительныя слова Господа нашего Иисуса Христа: „И идутъ сiи (проклятiи) въ муку вѣчную, праведницы же въ животъ вѣчный“ (Мате. XXV. 46).

Есть еще догматъ, который, по неизмѣримо-важному значенiю его для христiанина, самимъ Спасителемъ названъ новымъ завѣтомъ (Лук. XX. 20). Вотъ этотъ догматъ: „аминь, аминь глаголю вамъ, аще не снѣсте плоти Сына человѣческаго, ни пиете крове его, живота не имате въ себѣ. Ядый мою плоть, и пiяй мою кровь, имать животъ вѣчный, и Азъ воскрешу его въ послѣднiй день. Плоть бо моя истинно есть брашно, и кровь моя истинно есть пиво. Ядый мою плоть, и пiяй мою кровь, во мнѣ пребываетъ, и азъ въ немъ“ (Иоан. VI. 53, 54, 55, 56). Это сказалъ Иисусъ Христосъ, а не духовная iерархiя съ корыстными видами, и не она установила таинство св. Евхаристiи, а самъ Искупитель мiра, пролившiй за него кровь свою: „И прiимъ хлѣбъ“, читаемъ мы у евангелиста Луки (XXII. 19, 20) хвалу воздавъ преломи и даде имъ (ученикамъ), глаголя: сiе есть тѣло мое, еже за вы даваемо; сiе творите въ мое воспоминанiе: такожде же и чашу по вечери, глаголя: сiя чаша, новый завѣтъ моею кровiю, яже за вы проливается“.

Чтобы выдти графу Л. Н. Т. изъ окружившихъ его сiя-

тельство мрачныхъ хмарь, чтобы не срамить ему своими мудрваніями нашихъ боярскихъ родовъ, испоконь вѣку горой стоявшихъ за православную вѣру, не лучше ли бы ему было взять да прочитатъ со вниманіемъ, напр., Догматическое Богословіе митрополита Макарія? Тамъ онъ нашель бы, что все догматическое ученіе нашей вѣры основано на одномъ камнѣ—и камень этотъ—Христось! Пускаться въ богословскія разсужденія нельзя не изучивши богословскихъ наукъ, которыя по высотѣ и глубинѣ содержанія именно должны быть причислены къ наукамъ, требующимъ наибольшей подготовки для желающихъ изучить ихъ. Но если у графа не достанетъ терпѣнія на изученіе догматики по пространному Богословію, то пусть онъ повторитъ хотя пространнѣй катихизисъ богомудраго Филарета, и въ немъ онъ найдетъ, гдѣ основаніе догматовъ христіанской вѣры.

Графъ Л. Н. Т., измышляя новое евангеліе, воздаетъ должную честь и старому и говоритъ, что вполнѣ можно быть христіаниномъ, если только соблюдать извѣстныя правила нравственности, о которыхъ сейчасъ мы и поведемъ рѣчь. Но прежде предложимъ слѣдующій вопросъ: мыслимое ли, возможное ли дѣло, чтобы небесная истина — Христось ограничился только одними нравственными правилами, которыя преимущественно имѣють дѣло съ волею, и не сообщилъ бы истинъ для высшей способности души человѣка—для ума? О семъ да размыслитъ почтеннѣй графъ, если только дойдутъ до него настоящія строки. А теперь мы поведемъ рѣчь о нравственности, не теряя изъ виду и старцевъ, ходившихъ по Бѣлу-мору въ сіяніи свѣта.

„Если бы я,—говоритъ новоявленный христіанинъ, творецъ „Анны Карениной“, — ничего не зналъ изъ ученія Христа, кромѣ 5 правилъ, я и тогда бы былъ такимъ же христіаниномъ, какъ теперь. 1) Не сердись, 2) не блуди, 3) не клянись, 4) не судись, 5) не воюй—вогъ въ чемъ для меня сущность ученія Христова“. Подлинно графъ ничего не знаетъ изъ ученія Христа, не знаетъ краеугольнаго камня христіанской нравственности или нравственнаго закона Христа Спасителя! „Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга: яко же возлюбихъ вы, да и вы любите себе. О семъ разумѣють вси, яко мои ученицы (т. е. христіане) есте, аще любовь имате

между собою“ (Іоан. XII. 34, 35). И какую любовь? „Да кто душу свою положить за други своя“ (Іоан. XV. 13). Графъ Л. Н. долженъ согласиться, что это основаніе для нравственной жизни далеко отъ его пяти правилъ: не сердись, не блуди и т. д. Лежить на дорогѣ камень: проходящіе спотыкаются на него, падаютъ, калѣчатся. Вотъ добрая рука сбросила его съ дороги въ сторону, онъ болѣе не вредитъ проходящимъ; но измѣнилось ли существо камня? Нашъ камень остался тѣмъ же камнемъ, бездушнымъ веществомъ. Можно не сердиться, не блудить, не клясться и т. д., — и это похвально. Но погрузиться всѣмъ своимъ существомъ въ самого себя, заглушить въ себѣ всѣ высшія и лучшія стремленія сердца къ ближнему, быть себялюбцемъ или, какъ говорятъ, эгоистомъ, — значить ли быть истиннымъ христіаниномъ, сыномъ Бога любви? Приговоръ подобнымъ мнимымъ христіанамъ уже написанъ въ Евангеліи: „идите отъ Мене проклятій во огнь вѣчный, уготованный діаволу и аггеламъ его. Взалкахся бо и не дасте Ми ясти; возжадахся и не напоисте Мене; страненъ бѣхъ и не введосте Мене; боленъ, и въ темницѣ и не посѣтисте Мене“ (Матѣ. XXV. 41, 42, 43). Графъ пока долженъ согласиться, что не сердиться, не блудить и т. д.—не то, за что истинные христіане называются благословенными Отца небснаго: „взалкахся бо и дасте Ми ясти; возжадахся и напоисте Мя; страненъ бѣхъ и введосте Мене; нагъ и одѣясте Мя; боленъ и посѣтисте Мене; въ темницѣ бѣхъ и придосте ко Ми“ (Матѣ. XXV. 35, 36).

Мы очень хорошо знаемъ, что и для пяти исчисляемыхъ графомъ правилъ есть основанія во св. Евангеліи; но они, эти правила, не выражаютъ собою существа христіанской нравственности—самоотверженной любви къ ближнему. „Будите вы совершенни, яко же Отецъ вашъ небесный совершенъ есть“ (Матѣ. V, 48), — тотъ Отецъ, „который повелѣваетъ солнцу Своему восходить надъ злыми и добрыми, и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ“ (Матѣ. V. 45). Безконечное совершенствованіе всѣхъ силъ души, уподобленіе себя безконечному въ своихъ совершенствахъ Отцу небесному Богу — вотъ назначеніе всей жизни или дѣятельности человѣка! Вотъ завѣтъ Евангелія! Но едва ли кто позволить себѣ усумниться,

что это совершенствованіе возможно людямъ, хотя и разумно-свободнымъ существамъ, но слабымъ, съ ограниченными силами души и тѣла,—возможно только при взаимной сердечной, самоотверженной помощи другъ другу, или короче—при любви до „положенія души другъ за друга“. Думаемъ, что и графъ Л. Н. согласится съ такою истиною: если мы не будемъ только сердиться другъ на друга, блудить, судиться и т. д., и не будемъ лобзать другъ друга лобзаніемъ святымъ самоотверженной евангельской любви, то не достигнемъ главной цѣли своего бытія, т. е. высшаго и совершеннѣйшаго развитія своихъ духовныхъ силъ, что, повторяемъ, возможно только при взаимной сердечной помощи другъ другу, при самоотверженной любви.

Евангеліе требуетъ самоотреченія, безъ котораго невозможно истинная любовь къ Богу и ближнему. Но таковы ли правила, на которыя указываетъ графъ и исполненіе которыхъ, по его мнѣнію, составляетъ завѣтъ христіанства? Слѣдовать имъ должно, хотя и не безъ исключительныхъ случаевъ¹⁾; но можно слѣдовать и чисто изъ себялюбивыхъ или корыстныхъ видовъ, а себялюбіе, корысть—далеки отъ ученія Христа Спасителя. Для примѣра возьмемъ правило: „не сердись“. Отвѣтимъ словами самого небеснаго Законодателя: „да не предасть тебе соперникъ судіи, и судія ты предасть слузбъ, и въ темницу ввержень будеши. Аминь глаголю тебѣ: не изыдеши оттуду, дондеже воздаси послѣдній кондрантъ“ (Матѣ. V. 25, 26). „Не воюй“. Себялюбіе можетъ и такъ отвѣтить: иначе и самъ получишь пулю въ лобъ. „Не блуди съ чужими женами“. И тоже себялюбіе можетъ сдѣлать такого рода внушительное предостереженіе: за такой блудъ какъ бы не оплатили тебѣ блудомъ съ твоей женой. И скажемъ во услышаніе новоявленнаго христіанина словами Христа Спасителя: „не и мытари ли тожде творять?“ (Матѣ. V. 46).

Сказаніемъ о старцахъ достопочтенный графъ Л. Н. желалъ, хотя и прикровенно, подкрѣпить свое мудрованіе: яко бы и безъ догматовъ можно достигнуть высокой святости; что въраде въ Искупителя Христа и въ благодать, сообщаемую

¹⁾ Желательно бы знать, напр., сталъ ли бы графъ судиться или обращаться къ суду, если бы живущіе окрестъ его поселяне завладѣли его землею, обезпечивающею его и его дѣтей?

св. Тайнствами и т. д. и т. д.—все это отвергается св. Евангелиемъ. Мы, хотя и краткими указаніями на слова Самаго Господа Иисуса Христа, старались показать всю неправоту мудрствованія графа, его незнакомство съ св. Евангелиемъ. Но не думаетъ ли новоявленный истолкователь Евангелія своимъ сказаніемъ о старцахъ доказать и то, что слѣдуя его нравственному кодексу, составленному изъ пяти вышеупомянутыхъ правилъ, можно достигнуть высшей ступени святости, подтверждаемой хожденіемъ по волнамъ Бѣлаго моря въ сіяніи? Онъ можетъ такъ думать, но согласиться съ его мнѣніемъ нельзя. Мы согласны, что старцы не воевали; но съ кѣмъ было воевать имъ? Согласны и въ томъ, что они не блудили, не судились, но съ кѣмъ было блудить и судиться на какомъ-то пустынномъ, необитаемомъ островкѣ? Допускаемъ, что они сердились другъ на друга, клялись, ведя борьбу за бѣдное существованіе на бѣднѣйшемъ и суровѣйшемъ лоскуткѣ земли; но эти небольшіе грѣшки, и притомъ вынужденные, невольные, не помѣшали бы имъ перешагнуть въ область лучезарной и чудотворной святости. Но за всѣмъ тѣмъ вопросъ о святости старцевъ остается открытымъ. Дѣло въ томъ, что отъ истиннаго христіанина требуется не недѣланіе чего нибудь худаго, но неослабное, постоянное, одушевленное самыми чистыми намѣреніями дѣланіе всего добраго во славу Божию, во благо личное и ближнихъ. Безъ дѣлъ, по апостолу, и самая вѣра мертва. „Я, — говоритъ Спаситель Христось, — есть истинная виноградная лоза, а Отець мой виноградарь. Всякую у Меня вѣтвь (т. е. исповѣдники Моей вѣры), не приносящую плода, Онъ отсѣкаетъ; и всякую приносящую плодъ очищаетъ, чтобы болѣе принесла плода“ (Іоан. XV. 1, 2). Да, полнота истиннохристіанской жизни, праведность, святость достигаются только добрыми дѣлами, которыя требуютъ борьбы и полного самоотверженія. „Аще кто хочетъ по мнѣ идти, да отвержется себе, и возьметъ крестъ свой, и послѣдуетъ Ми“ (Лук. IX. 23). Думаемъ, графъ не позволить себѣ утверждать, что отвергнуться себя, нести крестъ, то же что не воевать, не клясться, не сердиться и т. д. ¹⁾).

¹⁾ Знаемъ мы, что почтенный графъ въ своихъ сочиненіяхъ, назначаемыхъ для простаго народа и въ такомъ сравнительно огромномъ количествѣ

Почтенный А. Θ. Гусевъ, разбирая богословскія мудрованія графа Л. Н. Т., приходитъ къ заключенію, что Богъ для нашего изобрѣтателя новой вѣры и евангелія „*есть не живое*“ *всесовершенное существо, а какой то вполне неопредѣленный X, какая то логическая искомая абстракція*“. „Что такое Богъ?—вопрошаетъ графъ. Что такое любить что то непонятное—Бога? Любить Бога—значить любить истину“. Изъ вышеизложеннаго нами однако не видно, чтобы графъ любилъ и такого бога, т. е. истину.

Предполагая, почти до увѣренности, что народное сказаніе о чудодѣяхъ-старцахъ вполне согласно съ воззрѣніями графа на богословскіе вопросы, мы вотъ какой вопросъ позволимъ себѣ предложить его просвѣщенному и благосклонному вниманію: если по его разумѣнію Богъ есть „неопредѣленный X, какая то логическая абстракція“, хотя бы и подъ именемъ истины, что „Бога понимаетъ каждый по своему, а другіе и вовсе не признаютъ его“; то какже старцы ходили по водамъ яко по суху? Графъ долженъ согласиться, что подобное хожденіе не по силамъ человѣку, какъ и летаніе для него по воздуху, въ тверди небесной, или жизнь въ водныхъ глубинахъ; равнымъ образомъ онъ долженъ согласиться и съ тѣмъ, что

распространяющихся среди его, проповѣдуетъ евангельскую любовь, выражающуюся въ добрыхъ дѣлахъ, хотя эта проповѣдь кое-гдѣ и отъѣняется нѣкоторыми предвзятыми не совсѣмъ православно-русскими мыслями. Но невольно возникаетъ вопросъ: который же *истый* Л. Н. Т.? Тотъ ли, который проповѣдуетъ простому народу христіанскія добродѣтели, или тотъ, который находитъ, что для истиннаго христіанина достаточно пяти вышеуказанныхъ отрицательныхъ правилъ, т. е. одного недѣланія худаго? Еще труднѣе понять составителя новаго евангелія въ слѣдующемъ его двоеніи: проповѣдая христіанскую любовь, вънцомъ которой Спаситель считаетъ «положеніе души» за ближняго, графъ говоритъ, что, въ силу ученія Евангелія «не противиться злу», онъ не защитилъ бы и собственныхъ дѣтей своихъ, если бы иному злу захотѣлось изжарить ихъ. Какой же, паки вопрошаемъ, истый графъ Л. Н. Т.? Не зная; который, мы выше приведенными указаніями — что требуетъ Христосъ отъ Своихъ послѣдователей, имѣли дѣло съ тѣмъ, который считаетъ грѣхомъ для себя «положить душу свою» даже за кровныхъ дѣтей своихъ, и утверждаетъ, что достаточно быть христіаниномъ при соблюденіи вышеизложенныхъ пяти правилъ. Конечно, мы имѣемъ въ виду не столько графа, сколько послѣдователей его, число которыхъ растетъ не по днямъ, а по часамъ. Даже въ собраніи одного ученаго общества явились защитники мудрованій изобрѣтателя новой вѣры и евангелія, конечно, защитники, не читавшіе св. Евангелія.

неопредѣленный X, не живое существо, логическая абстракція, богъ, котораго понимаетъ каждый по своему, т. е. идоль, огонь, апись и т. п., не могутъ сдѣлать такого чуда, т. е., хожденія по водамъ и притомъ въ сіяніи свѣта. Ложь сама себя изобличаетъ. Когда нужно провести мысль, что догматы христіанской вѣры и церковь выдуманы духовною іерархіею съ корыстными цѣлями; онъ, графъ, олицетворяетъ свое лжеученіе во образъ старцевъ, которымъ незнаніе догматовъ и церкви не помѣшало достигнуть самой высокой степени святости, уподобленія Христу, ходившему по водамъ озера Генисаретскаго. Но здѣсь же нашъ изобрѣтатель новой вѣры и путается. Старцы его молятся тремъ лицамъ, но не логической абстракціи, не отвлеченному понятію во образъ истины. Этого мало. Какъ мы видѣли, графъ приводитъ слова Христа Спасителя, гдѣ говорится объ общемъ нашемъ Отцѣ небесномъ, который знаетъ нужды наши. Не думаемъ, чтобы и по разумѣнію графа подобное всезнаніе было присуще какой то логической абстракціи.

Графъ Л. Н. Толстой безспорно принадлежитъ, по нѣкоторымъ своимъ произведеніямъ, къ первенствующимъ писателямъ позднѣйшаго времени. Его высоко цѣняютъ и на западѣ Европы. И что бы ему остаться вѣрнымъ истинному своему призванію, о чемъ умолялъ его и покойный Тургеневъ! Сколько могло бы появиться поистинѣ дивныхъ твореній отъ такой богато-одаренной личности! Такъ нѣтъ же: именитый нашъ писатель сбился съ своей прямой и широкой дороги, которую стали усыпать цѣнители его высокихъ дарованій самыми роскошными цвѣтами, — сбился и, какъ говоритъ пословица, „нелегкая“, какъ бы въ насмѣшку надъ добросердіемъ плѣнительнаго романиста, толкнула его на совершенно невѣдомый ему путь, ведущій въ область богословія и философіи. И уличаютъ нашего романиста, что онъ попалъ совершенно въ чуждую ему область, что безъ научной подготовки нельзя писать о такихъ глубоко-содержательныхъ предметахъ, какіе входятъ въ область богословія и философіи. Но графъ продолжаетъ настаивать... Жаль! Должно быть и въ правду такова горькая доля нашей родной земли, что на ней если и появится даровитый, выступающій изъ ряда обыкновенныхъ смертныхъ, человѣкъ, то „никогда добромъ не

кончить "... И паки жаль, отъ всей души, отъ всего сердца жаль! Вѣдь мы безъ самообольщенія можемъ сказать про себя, что русское племя принадлежитъ къ одному изъ даровитѣйшихъ среди племень рода человѣческаго, какъ древняго міра, такъ и поздняго. И едва ли все зло не кроется въ нашей, столь присущей, такъ крѣпко приросшей намъ лѣни, на которую жаловался и геніальный нашъ А. С. Пушкинъ, тоже „не доведшій себя до конца“. Тягучести, настойчивости недостаетъ у насъ. Лѣнь приняться за дѣло, на которое какъ будто мы и созданы, скучно становится „пребывать въ томъ званіи, на которое и призваны“, — и начинаемъ колесить: вмѣсто повѣстей, способныхъ удовлетворять одному изъ прирожденныхъ нашихъ чувствъ — чувству изящнаго, возьмемся за составленіе новаго евангелія, не прочитавши со вниманіемъ стараго и не ознакомившись съ толкованіями его тѣхъ глубокихъ мыслителей, которые годы и жизнь посвящали на изученіе этой книги книгъ. А гдѣ второй томъ „Мертвыхъ душъ“ и что мы вмѣсто его получили?

Хоть какъ ни дикимъ послышится для современнаго свѣтскаго уха, но мы, люди старой вѣры и стараго Евангелія, не обинуясь скажемъ: многіе изъ насъ иначе бы управили себя и, смотришь, доводили бы свою болѣе или менѣе полезную жизнь до конца, если бы прислушивались къ голосу нашей матери св. Церкви, т. е. не относились къ ней съ столь обычною въ современныхъ высшихъ кругахъ, холодностію. Вотъ, между прочимъ, что могъ бы услышать отъ этой матери и чудный творецъ „Войны и мира“, и что такъ близко должно быть душѣ его, его прошлому и настоящему: „Сердце мое смятется, остави мя сила моя, и свѣтъ очію моею и той нѣсть со мною... Исполнися золь душа моя и животъ мой аду приближися. Вскую, Господи, отрѣши душу мою, отвращаеши лице Твое отъ мене? Нищъ есмь азъ, и въ трудѣхъ отъ юности моя, вознесжеса, смирихся и изнемогохъ. На мнѣ преидоша гнѣви Твои, устрашенія Твоя возмутиша мя. Обыдоша мя яко вода, весь день одержаша мя вкупѣ... Нѣсть исцѣленія въ плоти моей отъ лица гнѣва Твоего, нѣсть мира въ костѣхъ моихъ отъ лица грѣхъ моихъ. Яко беззаконія моя превзыдоша главу мою, яко бремя отяготѣша на мнѣ. Возсмердѣша и согниша раны моя

отъ лица безумія моего. Пострадахъ и слякохся до конца, весь день сѣтуя хождахъ... Скажи мнѣ, Господи, путь, въ оньже пойду. Духъ Твой благій наставитъ мя на землю праву“ (Псал. 37, 87, 142).

Пусть скажетъ графъ Л. Н., положи руку на свое благородное сердце: здѣсь, въ приведенныхъ словахъ, въ каждую утреню провозглашаемыхъ православною церковію, не неизмѣримо ли больше сихъ: „трое васъ, трое насъ, помилуй насъ“.

Какъ братъ брату во Христѣ, мы долгомъ считаемъ для себя посовѣтовать даровитѣйшему изъ нашихъ писателей какъ можно чаще воздѣвать руки къ Тому, Котораго онъ гонитъ, и отъ всей глубины души взывать: „скажи мнѣ, Господи, путь, въ онь же пойду. Духъ Твой благій наставитъ мя на землю праву“. Вѣдомо ли графу Л. Н., какое растлѣвающее вліяніе производятъ на нашу молодежь, да отчасти и на зрѣлый возрастъ, удалившіяся отъ завѣтовъ нашей исторіи, въ числѣ которыхъ первый завѣтъ — православная вѣра, его богословскія мудрованія, его пресловутая исповѣдь? И чѣмъ онъ искупитъ свой грѣхъ, грѣхъ соблазна? Грѣшно сердиться, блудить, лучше не клясться, не судиться и т. д.; но за эти грѣхи не сказано въ Евангеліи: „иже аще соблазнить единаго малыхъ сихъ вѣрующихъ въ Мя, уне есть ему, да обѣсится жерновъ осельскій на выѣ его и потонетъ въ пучинѣ морствѣй (Матѣ. XVIII. 6).

Не разъ намъ приводилось слышать отъ очень почтенныхъ лицъ современнаго нашего педагогическаго міра слова, которыя, надѣмся, могутъ до глубины души потрясти графа Л. Н.: „своими послѣдними произведеніями и особливо своею исповѣдью нашъ именитый писатель нанесъ нашей учащейся молодежи величайшее зло; лютой врагъ русской земли не сдѣлалъ бы большаго зла“. Свидѣтель Богъ и все святое для меня, что я это слышала отъ лицъ, стоящихъ во главѣ нашихъ школъ — и среднихъ и высшихъ. Пронесся слухъ, имѣющій въ своемъ основаніи горькую дѣйствительность, какъ говорятъ свѣдущіе люди, будто бы питомецъ одной школы застрѣлился, оставивъ послѣ себя записку: „убѣжденный исповѣдью графа Л. Н. Т.“ Если это такъ, то чѣмъ нашъ избрѣтатель новой

вѣры искупить свой грѣхъ соблазна? Онъ самъ отецъ дѣтей; но что онъ скажетъ, когда предстанетъ предъ него отецъ ¹⁾ погибшаго юноши? Знаемъ мы, что и безъ исповѣди графа убійства или самоубійства творятся въ нашемъ школьномъ мірѣ; но графъ, конечно, не позволитъ себѣ утверждать, что то — плоды старой вѣры и стараго Евангелія.

Оканчивая наше писаніе, мы еще остановимся на одномъ реченіи графа, которымъ онъ заключаетъ перечень вышепоказанныхъ пяти правилъ. „Это-то ясное выраженіе ученія Христа (т. е. пять правилъ: не сердись, не блуди и т. д.) было спрятано отъ людей, и мнѣ, какъ ни странно сказать, послѣ 1800 лѣтъ привелось открывать эти правила, какъ что-то новое“.

Признаемся, высоко цѣня нашего именитаго писателя, — нашу народную гордость и славу (конечно за прежнія произведенія), мы какъ громомъ были поражены, прочитавши эти строки, и невольно подумали, думаемъ и доселѣ: нѣтъ, у графа что то неладно... Евангеліе Господа нашего Іисуса Христа во всѣ эти восемнадцать вѣковъ было открыто для всѣхъ и никто не посмѣетъ утверждать, чтобы ктонибудь пряталъ истинны его; да и какъ бы вѣра во Христа, въ его спасительное ученіе могла распространиться по лицу земли, не переставая распространяться по нему и по сей день? Дерзнетъ ли кто не признать, что Евангеліе не переходило извѣстной части человѣчества, не внесло въ жизнь его свѣта, освѣтившаго всѣ пути этой жизни? Правда, Евангеліе окончательно не изгнало нравственнаго зла среди принявшихъ его (да это конечно и не было бы полезно для человѣка), кровь ближняго льется и въ царствѣ Христовомъ; но думаетъ ли графъ, что она не будетъ литься при его пяти правилахъ, и что не скорѣе могла бы остановить потоки этой крови та всеобъемлющая любовь, которая завѣщана людямъ ихъ небеснымъ Учителемъ? Правила, проповѣдуемая графомъ и якобы первымъ имъ открытыя въ ученіи Христа Спасителя, были извѣстны и въ Ветхомъ За-

¹⁾ А можетъ быть, погибшій юноша былъ будущею опорой для бѣдной матери, которая и не осмѣлится предстать предъ его сіятельство съ горькими слезами укора!..

вѣтъ; но они не удержали іудеевъ, послѣдователей этого завѣта, отъ пролитія крови святѣйшаго праведника, Спасителя міра Христа. „Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо что творять“ (Лук. XXIII. 34). Вотъ завѣтъ міру со креста! Вотъ какая заповѣдь можетъ осчастливить человѣчество! И какъ блѣднѣютъ передъ нею правила, выставляемыя графомъ, какъ символъ, сущность ученія Христа!

Невольно приходишь къ горькому заключенію такого рода: по всему видно, что графу пришлось только на шестомъ десяткѣ лѣтъ своей жизни взять въ руки св. Евангеліе, и увылъ „видя не видѣть и не разумѣть“.

Изъ приведенныхъ словъ мы вправѣ сдѣлать и такое заключеніе: графъ говоритъ, что ему пришлось чрезъ 1800 лѣтъ открыть правила для христіанина,—правила, яко бы скрытыя отъ людей (хотя почти всѣ эти правила дѣти заучивали въ десято-словіи). Спрашиваемъ: что же дальше? Какая цѣль проповѣди графа объ оныхъ пяти, яко бы новооткрытыхъ правилахъ? Благородное сердце, которымъ безъ сомнѣнія владѣетъ графъ, можетъ имѣть однѣ благородныя цѣли: графъ хочетъ облагодѣтельствовать человѣчество, по крайней мѣрѣ христіанствующій міръ; стало быть, онъ думаетъ сдѣлать переворотъ въ этомъ мірѣ. Оставляя въ сторонѣ сомнительную подготовленность графа къ такому міровому дѣйству, мы позволимъ себѣ посовѣтовать апостолу новаго евангелія прочесть слѣдующія назидательныя слова апостола Павла: „Умоляю васъ, братія, остерегайтесь производящихъ раздѣленія и соблазны, вопреки ученію, которому вы научились, и уклоняйтесь отъ нихъ. Ибо такіе люди служатъ не Господу нашему Іисусу Христу, а своему чреву, и ласкательствомъ и краснорѣчіемъ обольщаютъ сердца простодушныхъ (къ Рим. XVI. 17, 18).

При всѣхъ своихъ богатыхъ дарованіяхъ, дерзнетъ ли графъ Л. Н. Толстой поставить себя рядомъ съ великимъ учителемъ языковъ? Восемнадцать вѣковъ читаютъ его воистину богодухновенныя писанія; пройдутъ новые вѣка, новыя тысячелѣтія и ихъ все будутъ читать. Но такова ли судьба „Войны и мира“, „Анны Карениной“, такъ прославившихъ графа Л. Н. Т.? Ихъ читаютъ, почитаютъ еще десятокъ, другой и третій лѣтъ; но потомъ?.. Не исполнится ли и надъ ними то, что сказано

псалмопѣвца и что должно быть отнесено ко всякому земно-
юдному съ его дѣлами: „яко духъ пройде въ немъ и не бу-
детъ и не познаетъ къ тому мѣста своего (Псал. 102. 16)?

Думается, что плевелы, сѣмые на нивѣ Христовой, имѣютъ
въ себѣ большую силу живучести; но, какъ позволительно пред-
полагать, это потому, что здѣсь въ помощь плевосѣятелю-чело-
вѣку приходитъ, по слову Христа Спасителя, „врагъ чело-
вѣка, — приходитъ и сѣетъ плевелы“... Поистинѣ страшно
пасть въ рукѣ Бога живаго!..

Ив. Палимпсестовъ.

